

Вестник Омского университета, 1997, Вып. 2. С. 60-63.
© Омский государственный университет, 1997

УДК 800.93

Эпиграф в коммуникативном пространстве художественного текста

Н.А.Кузьмина

*Омский государственный университет, кафедра русского языка
644077, Омск, пр. Мира, 55-А*

Получена 12 марта 1997 г.

The author analyses poetic texts with epigraphes, describes communicative types of epigraphes and it's functions in the interpretation of literary text. of epigraphes and it's functions in the interpretation of literary text.

Понятие коммуникативного пространства, введенное Б.М. Гаспаровым, призвано обозначить некую "мысленно представляемую среду", "духовный ландшафт", в который погружено высказывание и который необходим для того, чтобы создать или интерпретировать сообщение [2]. Уникальным ориентиром на этой "духовной картине местности" является эпиграф.

Мы рассматриваем эпиграф как коммуникативный знак, сущность которого создается и обнаруживается только в процессе функционирования. Функционированием для эпиграфа можно считать его включение в структуру генетически чужого для него текста. Заметим, что известны случаи, когда эпиграф некоторое время существовал самостоятельно, без текста ("Арап Петра Великого" А.С. Пушкина). Такие эпиграфы, по-видимому, следует рассматривать как потенциальные знаки, чья функциональная направленность не реализована, хотя, бесспорно, существует как бы в свернутом виде в сознании автора, в его творческих замыслах.

Эпиграф как элемент текста полифункционален. Основной и универсальной его функцией как в художественном, так и в нехудожественном произведении является **диалогизирующая**: эпиграф - один из способов диалогизации монолога, введения в него иной, неавторской точки зрения.

Диалогические отношения эпиграфа и следующего за ним текста могут быть эксплицированными и имплицитными. Ср. стихотворение М. Дудина "Ты - половина памяти моей" с эпиграфом из О. Берггольц *"Не может быть, чтоб жили мы напрасно"*: *Я, повторяя, присягаю ей: Не может быть, чтоб жили мы напрасно.*

Но даже в тех случаях, когда нет явных языковых показателей диалога, следует говорить об их значимом отсутствии, текстовом нуле, поскольку сам выбор эпиграфа из ряда возможных означает его включение в систему авторского мышления и - как отражение этого - в систему текста.

Две основные функции эпиграфа - **информативная** и **формоопределяющая** - по сути,

представляют собой функциональные комплексы.

Информация, вводимая эпиграфом, может быть, по крайней мере, двух типов: информация об авторе (творческом субъекте), выбирающем эпиграф из определенной текстовой и культурной парадигмы, и информация о следующем за эпиграфом тексте.

Субъектная информация - это сообщение об авторе, его литературных вкусах, коммуникативном намерении в данном тексте. Легко заметить неоднородность субъектной информации: определенная ее часть возникает уже в момент выбора эпиграфа, другая - лишь в процессе его функционирования. Точнее говоря, возникающая в момент выбора эпиграфа субъектная информация конкретизируется, уточняется в системе "эпиграф - текст".

Так, зная, что молодой А. Блок часто использует в своих стихотворениях эпиграфы и внутритекстовые цитаты из произведений А. Фета и Вл. Соловьева, мы можем высказать некоторые предположения о его литературной ориентации, но выявление авторской интенции возможно лишь в законченном произведении, уточняющем, что именно существенно для Блока в цитируемом фрагменте, как конкретно распределены авторские акценты.

Таким образом, субъектно-информативная подфункция оказывается тесно связанной и иерархически подчиненной диалогизирующей: характер диалога выявляет коммуникативное намерение автора, его отношение к содержанию эпиграфа и к его создателю.

Информация о тексте может быть дифференцирована в зависимости от того, о каком аспекте его организации - содержательном или формальном - сообщает эпиграф. Типы **содержательной информации** достаточно подробно описаны в [1]; [4]. Проиллюстрируем их применительно к эпиграфу.

Содержательно-фактуальная информация: эпиграф задает тему, которую подхватывает и развивает следующий за ним текст. Таковы, например, эпиграфы к поэме М.Ю. Лермонтова "Измаил-бей", намечающие тематические лейтмотивы отдельных частей, эпиграфы к "Сорочинской ярмарке" Гоголя, к рассказу Лескова "Овцебык", ко многим стихотворениям.

Содержательно-концептуальная информация: эпиграф выявляет идею, концепцию произведения. Таков эпиграф к "Воительнице" Лескова, напоминающий басенную мораль: *"Вся жизнь моя была досель Нравоучительною школой, И смерть есть новый в ней урок"* (Ап. Майков), знаменитый эпиграф к гоголевскому "Ревизору", появившийся в тексте через шесть лет после создания комедии, эпиграф к "Хмурому утру" А.Н. Толстого - *"Жить победителями или умереть со славой (Святослав)"*. Такой тип информации характерен именно для эпиграфов к прозаическим произведениям, в которых они актуализируют смысловую доминанту текста.

Содержательно-подтекстовая информация. Комментарий В.Б. Шкловского раскрывает именно эту функцию эпиграфа к "Пиковой даме" Пушкина *"Пиковая дама означает тайную недоброжелательность (Новейшая гадательная книга)"*: "Гадательная книга, да еще новейшая, изданная на серой бумаге в лубочном издательстве, - это мещанская книга, а не тайный фолиант на пергаменте" [8, с.67]. Эпиграф обнажает замысел Пушкина: создать не трагедию, а трагический фарс, развенчать героя наполеоновского типа. Такой подтекст оценочен. Ведь, по справедливому замечанию И.Р. Гальперина, "подтекст нередко перекликается с категорией модальности" [1, с.49]: давая информацию о тексте (выявляя подтекст), эпиграф одновременно свидетельствует об отношении к нему автора.

Вообще говоря, выделение "чистых" типов информации, сообщаемой эпиграфом, - не

более чем исследовательский прием. Так, очевидно совмещение содержательно-фактуальной и содержательно-подтекстовой информации в эпиграфе к IV главе "Капитанской дочки" "Поединок": *"Ин изволь и встань же в позитуру, Посмотришь, проколю как я твою фигуру"*. Использован эпизод из комедии Я. Княжнина "Чудаки" - сцена ссоры двух лакеев и их пародийная дуэль, обрисованная явно гротесково. Таким образом эксплицируется подтекст, выявляется авторский замысел: Гринев вовсе не положительный герой, пушкинская оценка вполне трезва и реалистична.

Эпиграф в лирическом произведении чаще всего совмещает содержательно-фактуальную и содержательно-подтекстовую информацию. Таков, например, эпиграф к стихотворению М.Ю. Лермонтова "Не верь себе" - *"Какое нам в конце концов дело до грубого лая всех этих кричащих шарлатанов, торговцев пафосом и изготовителей напыщенных слов, и всех паяцев, танцующих на фразе?"*, который не только задает тему лермонтовского стиха, но и выявляет его концепцию посредством обнажения субъективно-оценочного подтекста. Это ирония автора по отношению к своему герою-поэту, ирония, сближающая автора с голосом толпы, черни (известно, что Лермонтов для усиления этого акцента заменил мне в цитате Барбье на нам).

Итак, содержательная информация эпиграфа - это прогнозирующее, перспективное сообщение об основных тематических, сюжетных и концептуальных моментах художественного произведения. Вместе с тем эпиграф способен давать сведения иного рода, сообщать о **форме** (языке) вводимого им текста. При этом, информируя о форме, эпиграф, по сути, форму задает, порождает, выполняя таким образом уже не собственно информативную, а **формообразующую, формоопределяющую** функцию. Эта функция может создавать лексико-стилистический и архитектурный строй произведения.

В первом случае эпиграф задает ключевые слова и группы слов, формирует стилистическую и эмоциональную тональность текста. Так, эпиграф из "Войны и мира" Толстого *"И лицо с внимательными глазами с трудом, с усилием, как отворяется заржавевшая дверь, - улыбнулось..."* вводит ключевой образ, из которого вырастает стихотворение Н.Заболоцкого "Встреча": *Как отворяется заржавевшая дверь, С трудом, с усилием, - забыв о том, что было, Она, моя нежданная, теперь Свое лицо навстречу мне открыла* .

Эту же функцию - формирование лексико-стилистического строя текста - выполняют и некоторые группы слов: историзмы, экзотизмы, диалектизмы, специфические антропонимы (например, в пародиях). Таков, например, эпиграф к сатирической поэме И.Мятлева "Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границу, дан л'этранже" - транслитерированный на русский французский перевод русской поговорки *"Де бон тамбур де баск дерьер ле монтанье"* (Славны бубны за горами), как бы предвосхищающий макаронический стиль поэмы.

А образование окказионализмов от имен собственных, характерное для прозы Ф.Сологуба и высвеченное в эпиграфе *"Это дульцинировало ее влечение к принцу Танкреду и альдонсировало ее любовь к жениху (Сологуб. Королева Ортруда)*, индуцирует ряд образований по той же модели в пародии А.Измайлова: *Офеоктистивились сначала, Осоловьевивились поздней, Живет утехами скандала Писатель наших серых дней*.

Говоря об **архитектонике**, мы имеем в виду особенности структуры стиха, его композиционное развертывание, строфическое членение, ритмический рисунок, которые может задавать эпиграф. Понятно, что наибольший простор для реализации этой функции дают стихотворные произведения со стихотворными же эпиграфами, то есть тексты, жестко упорядоченные в структурном плане [3]. Причем в том случае, когда стихотворение, фрагмент которого избирается в качестве эпиграфа, хорошо известно, оно может быть представлено одной строкой. Этот принцип использован во множестве пародий - классических и современных.

Один пример. Лермонтовское *"Я знал его..."*, вынесенное Евгением Рейном в эпиграф к стихотворению "Эпитафия", бесспорно, не дает представления ни о ритме, ни о содержании текста-источника, но служит опорным сигналом, по которому читатель безошибочно восстанавливает в памяти пятистопный ямб стихотворения "Памяти А.И.Одоевского". Более того, эпиграф здесь - знак не только формальный, но и содержательный, тематический, вводящий характерный для этого метра "семантический ореол" - скорбно-размышляющую интонацию высокой медитативной лирики. Именно этот "общий семантический фон традиции" (М.Л.Гаспаров) вступает в противоречие с нарочито приземленными строками Е.Рейна: *Я знал его. Мы странствовали с ним Однажды по московским магазинам. Нам совершенно был необходим Цвет голубой сорочек к темно-синим В ту пору модным нашим пиджакам.* Вместе с тем, достаточно часто архитектурные и лексико-стилистические особенности, задаваемые эпиграфом, в лирическом жанре взаимосвязаны: структурно-композиционная близость эпиграфа и текста поддерживается лексическим сходством и/или единством стилистической тональности. Кроме того, языковая форма есть форма содержательная, поэтому передаваемая эпиграфом информация о тексте есть одновременно и информация о его содержании.

Небольшое замечание. Наблюдения над произведениями разного рода и жанра свидетельствуют, что формоопределяющая функция эпиграфа более свойственна стихотворным произведениям. Вообще, чем меньше текст, тем больше возрастает значимость каждого его элемента (в особенности находящегося в сильной позиции), тем сильнее внутритекстовые связи. Эта закономерность касается не только стихотворных, но и прозаических произведений: в рассказах, например, больше вероятности обнаружить собственно языковые связи эпиграфа и текста (см. например А.Платонов "Мать").

Мы описали функции эпиграфа в системе "эпиграф - текст". Вместе с тем, все стихотворение под эпиграфом погружено в коммуникативное пространство, и в этой новой динамической системе более высокого уровня комплекс функций эпиграфа преобразуется.

Так, в плане порождения текста (позиция адресанта) субъектно-информативная функция выявляет коммуникативное намерение автора. В плане же восприятия (позиция адресата) эпиграф есть "квант информации, приводящий в движение тезаурус читателя" [7,с.204]. Содержательно-информативная и формоопределяющая функции для автора выступают как формирующие способ сообщения некоторого содержания, а для читателя - как организующие его восприятие и понимание.

Идеальным для художественной коммуникации было бы совпадение информации, заложенной автором, и той, что воспринимает читатель, однако в действительности этого не происходит: далеко не все из задуманного воспринимается адресатом и, напротив, читатель может осмысливать как значимые некоторые несущественные для автора детали.

Особенно явно эти свойства эпиграфа обнаруживаются в двух выделяемых нами коммуникативных типах эпиграфов: автономных и метонимических. Разграничение их связано с синхронно-диахронной природой эпиграфа: будучи в диахронии фрагментом некоторого текста-источника, он выступает в синхронии как компонент нового произведения. В зависимости от того, какие связи эпиграфа - структурные или генетические - актуализованы в акте художественной коммуникации, различаем автономные и метонимические эпиграфы.

Автономный эпиграф представляет собой содержательно завершённый фрагмент текста, при этом смысловая и формальная завершенность совпадают не всегда - таков, в частности, эпиграф к стихотворению Д.Самойлова "Дом-музей", пародирующий штампы книги отзывов: *"производит глубокое..."* Автономность эпиграфа поддерживается его

позицией - вынесенностью перед основным текстом - и графическим оформлением. Именно поэтому в эпиграфах такого рода часто используются поговорки, поговорки, афоризмы, являющиеся законченными текстами, самостоятельными речевыми произведениями, а в качестве обычного синтаксического минимума выступает предложение. Впрочем, для автономного эпиграфа несущественно, является ли он изначально завершенным текстом или только его фрагментом, значимы лишь его структурные функции - информативные и формоопределяющие - в произведении под эпиграфом.

Метонимический эпиграф должен быть воспринят как часть некоторого текста, его "метонимический символ-заместитель" (З.Г.Минц). Причем текст здесь следует понимать в общесемиотическом смысле - не только как конкретный языковой текст, но и как совокупность текстов - идиостиль, литературное направление, наконец, как текст культуры [7]. Таким образом, функция метонимического эпиграфа - актуализация генетических связей, включение их в структуру нового текста: парадигматически соотнесенные в едином сверткесте культуры произведения объединяются в речевой синтагме. Яркий пример этого типа - эпиграф к стихотворению Д.Самойлова "Поэт и старожил": *...не для битв... ...для молитв... Рифмы из стихотворения Пушкина*. Только отсылка к полному тексту пушкинского "Поэт и толпа"(восстановление генетических связей) позволяет эпиграфу реализовать свои функции в полном объеме. В семиотическом плане автономный эпиграф подобен автосемантическим знакам, метонимический - синсемантическим.

Характерно, что универсальная функция эпиграфа - диалогизирующая - по-разному реализуется в описанных типах: в автономных эпиграфах имеет место диалог "эпиграф - текст под эпиграфом", в метонимических - "текст-источник эпиграфа - текст под эпиграфом".

Выше мы отмечали, что функциональные типы эпиграфа с позиций адресата и адресанта различаются. Так, по-видимому, можно полагать, что для автора эпиграф чаще выступает как метонимический знак, тогда как для читателя более характерна установка на самостоятельность, автономность эпиграфа.

Так, 7-й главе "Евгения Онегина" предпосланы три эпиграфа: *"Москва, России дочь любима, Где равную тебе сыскать?" (Дмитриев), "Как не любить родной Москвы?" (Баратынский), "Гоненье на Москву! что значит видеть свет! Где ж лучше? Где нас нет (Грибоедов)*. У Пушкина эти три эпиграфа явно метонимические. Прекрасно комментирует это обстоятельство Ю.М. Лотман: "Смысл тройного эпиграфа в противоречивости его составных частей: одический стиль панегирика, ирония и резкая сатира... Диапазон от образца официальной поэзии до цензурно запрещенной комедии" [6,с.131]. Несомненно, что и для читателя - современника поэта - содержательно-подтекстовая информация, связанная именно с метонимической природой эпиграфа, была ощутима. В наше же время без специальных комментариев эти эпиграфы будут восприняты как автономные, более того, связанные отношениями семантической эквивалентности, тематического варьирования, а не противоречия, как это было задумано Пушкиным, что, безусловно, изменит их восприятие.

Итак, эпиграф одновременно создает коммуникативное пространство художественного текста и **определяется** этим коммуникативным пространством. Он обладает некоторым "изначальным потенциалом связей", необходимым для того, чтобы вызвать процесс индукции смыслов. "Но раз начавшись, этот процесс развивается по принципу цепной реакции... Текст оказывается бездонной воронкой, втягивающей в себя не ограниченные ни в объеме, ни в их изначальных свойствах слои из фонда культурной памяти"[2, с.333, 334].

Литература

- [1] Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.,1981.
- [2] Гаспаров Б.М. Язык,память, образ. М.,1996.
- [3] Кузьмина Н.А. Эпиграф как лингвостилистическое средство и его роль в композиции стихотворения // Композиционное членение и языковые особенности художественного произведения. М.,1987.
- [4] Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.,1988.
- [5] Лотман Ю.М. К современному понятию текста //Уч.зап. ТГУ. Тарту,1986.Вып.736.
- [6] Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина "Евгений Онегин": Комментарий. Л.,1983.
- [7] Храмченков А.Г. Эпиграф как особый вид цитации // Взаимодействие структурного и функционально-стилистического аспектов языка. Минск,1983.
- [8] Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М.,1953.